

**КАЗАЧЬЯ ХРИСТИАНСКАЯ ЛЕГЕНДА
«СВЯТОЙ НИКОЛАЙ И КАСЬЯН НЕМИЛОСТИВЫЙ»:
ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОЕ, ПАТРИОТИЧЕСКОЕ
СОДЕРЖАНИЕ, ИСТОРИЧЕСКАЯ ОСНОВА И
ЖАНРОВЫЕ ПРИЗНАКИ**

Стандарты школьной программы по курсу «Литература» предполагают с 5 класса учителю-словеснику планирование системы занятий и содержания внеклассного чтения по изучению религиозной литературы (Библия, жанры религиозной литературы, в частности жития), фольклора. Региональный компонент школьной программы позволяет учителю расширить представления учащихся о религиозных произведениях, в том числе и о произведениях народных – фольклорных. В школах Тюменского региона – при реализации данной задачи – необходимо, конечно же, обратиться к фольклору региональному, то есть к фольклору локальному, сформировавшемуся на определенной территории, а шире – к сибирскому фольклору, становление и развитие которого протекало на огромной территории за «Камнем» (за Уральскими горами). В сибирском фольклоре главная тема, определяющая его содержание, – освоение Сибири. Но в таком случае мы не можем пройти мимо казачьего сибирского фольклора; к сожалению, ему мало внимания уделяется в практике школьного преподавания устного народного творчества. В данной статье учителю-словеснику предлагается материал, который позволит восполнить указанный пробел и реализовать образовательный, воспитательный потенциал народной словесности – на примере казачьей легенды «Святой Николай и Касьян Немилостивый». Можно также использовать материал статьи при изучении фольклорной основы повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» (7-8 классы) или судьбы казачества в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон» (11 класс), предложив учащимся подготовить сообщения, расширяющие их представление о казачестве в региональном аспекте.

Легенду «Святой Николай и Касьян Немилостивый» собиратель казачьего фольклора, писатель Борис Александрович Алмазов записал в Сибирском казачьем войске. Произведение вполне соответствует школьному стандарту по русскому фольклору (напомним его краткое описание): *«Устное народное творчество как часть общей культуры народа, выражение в нем национальных черт характера. Отражение в русском фольклоре народных традиций, представлений о добре и зле.*

Народное представление о героическом. Влияние фольклорной образности и нравственных идеалов на развитие литературы. Жанры фольклора». Текст легенды Б.А. Алмазов опубликовал в сборнике 1996 года «Казачьи сказки» [см. 5].

Вначале позволим себе комментарий, предваряющий анализ текста.

Судьба казачества России – вообще содержательно емкая тема для обсуждения на школьных занятиях проблем, связанных с социокультурной, исторической ситуацией на современной мировой арене, когда краеугольным камнем становятся вопросы российского «самостоянья», органичного патриотизма, целостности российской государственности, духовного здоровья нации. В последние десятилетия происходят глобальные изменения в российском обществе. На смену веками складывавшимся российским традициям приходят новые приоритеты, когда меняется само сознание (самосознание) россиян, когда им пытаются привить ценности «чистогана», жесткий (и жестокий) индивидуализм, что чревато подменной духовно-нравственных основ российского общества ложными ценностями. Самосознание россиян издревле строилось на любви к своему Отечеству, на уважении к традициям общественным и семейным, а они транслируются из поколения в поколение и благодаря фольклору – в нем находят выражение национальные ценности.

Существенную роль в решении этой задачи решает и фольклор казачества – сословия, целого российского субэтноса, главной целью которого (так определилось исторически) было служение Отечеству, его защита (охрана границ и поддержание порядка на закрепленных за казаками территориях). Казачество сыграло значительную роль в собирании Русской земли. Другое дело, что в свое время инородцами казак воспринимался как захватчик, как опасный «человек с ружьем». Но учитель должен пояснить ученикам, что казачество по присяге исполняло военную функцию. Будем справедливы: российское казачество участвовало в колонизационном процессе Российского государства, но оно никогда не строило резервации для присоединенных коренных народов Сибири, не истребляло их, как это имело место на американском континенте по отношению к индейцам.

В судьбе самих казаков немало трагических страниц, в их числе – геноцид, учиненный советской властью по отношению к ним в 1920-1930-х годах (политика расказачивания, репрессии; до 1936 года казаков не призывали в армию). С 1990-х годов наблюдается процесс возрождения российского казачества, он закрепляется подписанной 3 июля 2008 года Президентом Д.А. Медведевым «Концепцией государственной политики в отношении российского казачества»; концепция призвана обеспечить дальнейшее развитие казачества, сохранение его самобытности, традиций, культуры.

В судьбе российских казаков немало славных страниц служения родной отчизне, одна из страниц – сибирская. История присоединения Сибири к Российскому государству начинается с деяний казаков, при этом отправной точкой и центром событий становится Зауралье (территория нынешней Тюменской и Курганской областей). Краткую историческую справку учитель найдет в статье доктора исторических наук А.П. Яркова: «За Уралом казаки появились после того, как купцы Строгановы наняли казачью вольницу во главе с атаманом Ермаком для борьбы с набегами сибиряков. Перейдя через Уральские горы, казаки избрали наступательную тактику и 26 октября 1582 г. заняли г. Искер. Походы 1583-84 гг. были для Ермака также успешными, но в ночном бою в устье реки Вагай 5 августа 1585 г. Атаман погиб, а оставшиеся в живых 90 человек «ушли на Русь». История сибирского казачества начинается с конца лета 1585 г., когда посланный на помощь Ермаку отряд «государевых служилых людей» остался на зимовку в устье реки Иртыш и поставил там «городок», названный впоследствии Обским. В 1586 г. в Сибирь вновь пришли оставшиеся в живых «ермаковы казаки» и вместе с отрядом Василия Сукина и Ивана Мясного «срубили острог» – Тюмень – на месте прежней Чимги-Туры. Ядро казачества составляли «государевы служилые люди» и переведенные из тяглого населения крестьяне и посадские. В 1587 г. при участии казаков был основан Тобольск, который с 1590 г. стал главным городом Сибири. <...> На территории Сибирской (Тобольской) губернии с 1736 г. находились поселения Исетского казачьего войска, созданного из потомков воинов Ермака, освоивших берега рек Исеть, Миасс; Иртышской и Ишимской укреплённых линий» [7, с. 140].

О первых походах казаков «за Камень» повествуют сибирские летописи, в частности Ремезовская, составленная сибиряком в третьем поколении Семеном Ульяновичем Ремезовым (1642 – после 1720) – талантливым картографом, историком, этнографом [см. 1]. Он переработал обнаруженную в городе Кунгуре летопись («Летопись Сибирская краткая (Кунгурская)»), она дополнила его историческое сочинение – «Историю Сибирскую»; этот труд одного из первых сибирских историков сейчас называется Ремезовской летописью (1697-1710). В летописи повествуется о походах «ермаковских казаков» за Урал, о начальном периоде присоединения Сибири к Российскому государству. Повествование представляет собой «сплав традиций летописного жанра, воинской повести, житийной литературы, вобравший в себя многочисленные фольклорные сюжеты» [1, с. 414].

Для нас немаловажен тот факт, что С.У. Ремезов родом из «служилых людей». «Государеву службу», подчеркивает В.И. Белич, Семен Ремезов «начал в 1668 г. казаком, зачисленным под начало отца (стрелецкого сотника Ульяна Моисеевича Ремезова. – В.Е.) для устройства слобод и пашен в Ишимском остроге Тарского уезда» [1, с. 409]. Выходит, что казачий быт С.У. Ремезов знал не понаслышке, казаки – главные действующие лица его историко-поэтического повествования.

Приведем два фрагмента Ремезовской летописи, в которых фигурируют казаки. Первый фрагмент мы условно назвали «И приплыли к Устью Турбы ...»:

«И приплыли к устью Турбы к концу Долгого Яра в 26 день июля на восходе солнца. И увидели бесчисленные басурманские силы, ожидающие прихода Ермака. Казаки же перепугались и причалили к острову выше Яра, держали совет [и] просительную молитву вознесли Святой Троице, Пресвятой Богородице и всем святым.

И по явлению Спасителя, когда Ермак и казаки увидели, что знамя с Его образом, почитаемое казаками, само собой [снялось] с места и двинулось вперед вдоль левого берега Тобола реки вниз [по течению], то все одновременно за ним погребли вдоль того берега. Нечестивые же выпустили бесчисленные стрелы дождем с горы на струги. Но Богом хранимы [казаки] это место прошли так, что и волоса не сронили. Когда же прошли, знамя само на свое место встало» [4, с. 153-154]; [см. также: 2, с. 50].

Очевидно, что С.У. Ремезов опирался не только на предшествующие летописи, но и на предания казаков, местного населения, то есть на устно-поэтические рассказы о прошлом, преимущественно историческом. В преданиях повествуется – с применением вымысла – об истории края или общенациональных событиях, исторических деятелях. Назначение жанра – сохранять память о прошлом, что мотивирует установку на историческую достоверность. Вымысел в предании опирается на исторические факты, вытекающее из него обобщение (или мысль, поэтическая идея) не противоречит исторической правде.

Летом 1581 года дружина Ермака передвигалась по реке Тоболу к столице Сибирского ханства. В устье реки Турбы войско хана Кучума устроило казакам засаду. Предание, основой которому, видимо, послужили изустные рассказы ермаковских казаков, объясняет спасение казаков свершившимся чудом (знамя, как Божье провидение, указывало им безопасный путь по реке), хотя исследователи предполагают, что Ермак применил тогда «хитрый» военный маневр, который и позволил ему избежать поражения.

В своем повествовании сибирский хронист развивает религиозное обоснование действий Ермака и его дружины: «Но Богом хранимы [казаки] это место прошли так, что и волоса не сронили». Вместе с тем Ремезов изображает казаков как бы «изнутри» их сообщества. Он не стремится изобразить казаков былинными богатырями, эпическими героями (такими образами героического эпоса богат казачий фольклор). Под его пером ермаковские казаки – смелые военные люди (они совершают подвиги, как говорили тогда, «не щадя живота своего»), но они и обычные люди, которым известен страх: «Казаки же перепугались и причаляли к острову выше Яра, держали совет [и] просительную молитву вознесли Святой Троице, Пресвятой Богородице и всем святым».

Таковыми же казаки предстают и во втором фрагменте (с фольклорным началом), они испытывают страх перед многочисленным местным войском, но вместе с тем действуют стратегически грамотно, проявляя смелость и смекалку, военное мастерство (летописный фрагмент мы назвали «Принесли с собой Белгородского идола ...»).

«На второй год после смерти [Ермака] посланы воеводы из Москвы Иван Мансуров с товарищами, с ним сто человек ратников. Когда плыли по Иртышу, то видели на Иртышском берегу, как песка, вражеского войска, ожидающего [момента] для нападения, по донесению знавшего, что послан [из Руси] малый отряд. И испугавшись, [русские] проплыли, гонимые страхом, вплоть до Оби реки. Увидев же ледостав, поставили крепость на Обью против устья реки [Иртыша] и сели зимовать.

Собрались с Иртыша и с Оби множество остяков и окружили крепость, и день сражались, только к вечеру нечистивые отступили. Утром же принесли с собой Белогорского идола и поставили его под березу. И молились, и жертвы приносили, чтобы взять крепость. И во время жертвоприношения [казаки] прицельно выстрелили из пушки и идола их вместе с деревом разбили на многие части. Нечистивые очень испугались, не зная, [что это было,] думая, что из лука человек разбил, и все разошлись восвояси. И потом ясак принесли; а к весне [русские] прошли через Камень» [4, с. 209-210]; [см. также: 2, с. 50].

В 1585 году Разрядным приказом во главе отряда стрельцов и казаков для помощи Ермаку был поставлен полковой воевода Иван Алексеевич Мансуров, по прибытии за Камень сменивший Ермака на посту воеводы Сибири. В его задачи на посту сибирского воеводы входило обложение ясаком (данью) коренных народов края, строительство крепостей. Обский городок был поставлен на реке Обь близ устья Иртыша, в центре Белогорского княжества,

территории приобских племен, предпринявших штурм крепости. Предание гласит, что меткий выстрел, разбивший идола (фетишизированное божество) остяков (ханты и другие небольшие народности Севера), привел их в повиновение: потрясенные случившимся, они (язычники, поэтому названы «нечистивыми») сами принесли ясак.

С основания Обского городка собственно и начинается история службы казаков в Сибири. «В Сибири, — отмечает историк, — сложилась особая группа казаков — казаки служилые, которые подразделялись в зависимости от происхождения, условий службы, материального обеспечения на *беломестных* (привилегированная часть казачества, которая проживала в приграничных укреплениях и получала крупные земельные наделы, денежную помощь; в 1724 г. были включены в сословие государственных крестьян) и *выписных* (привлекавшихся на службу из местных крестьян для сторожевой службы; в середине XVIII в. их перевели в сословие государственных крестьян). После разгрома восстания Е. Пугачева (1772-74 гг.) монархия решила использовать казачество в своих целях, то есть окончательно огосударствить. Крепостные и городовые казаки теряют прежние частные названия «тобольских», «верхнеиртышских» и переименовываются в *линейных* — «сибирских линейных казаков», чьи права и социальное положение определялось особым порядком отбывания военных и земских повинностей. В 1808 г. утверждаются Положение и штаты Сибирского линейного казачьего войска, а с 1822 г., согласно «Уставу о сибирских городских казаках», было создано 8 полков городских казаков. В Тобольске городовая команда включала более 2 500 казаков, подчиненных через «голов», атаманов, сотников, ротмистров местной администрации. Они имели три вида жалования: деньги, хлеб и соль, значительные земельные наделы. В функцию казаков, кроме исполнения воинской и административной служб, входили обеспечение «таможенного дела», отправка «хлебных запасов», сбор ясака и т.д.» [7, с. 139-140].

После Ермаковского «взятия» Сибири продолжилось дальнейшее движение казаков на восток, в результате огромные территории были присоединены к Российскому государству: «Просуществовавший 70 лет возле Полярного круга торгово-казачий городок Мангазея стал отправной точкой продвижения казаков на восток от реки Енисей. В течение XVII в. экспедиции тобольских, березовских, мангазейских казаков под командованием Черкаса Рукина, Андрея Рукина, Самсона Навацкого, Воина Шахова, Ивана Реброва основали Енисейский, Красноярский, Якутский, Илимский остроги, открыли «Юкагирскую землю» и дошли до Тихого океана» [7, с. 140].

Именно о данной масштабной деятельности казаков в Сибири и повествуется в легенде «Святой Николай и Касьян Немилостивый» (см. полный текст легенды в приложении). Казачья легенда, зафиксированная в среде сибирского казачества, повествует о том, как святые Николай и Касьян отправились в светлых ризах на восток к Христу и, шествуя по облакам, увидели внизу, на земле, завязший казачий обоз, направляющийся также на восток. Святой Николай помогает казакам, Касьян же отказывается, за что и получает от Господа прозвание Немилостивый.

Текст легенды Б.А. Алмазов, охвативший в своих публикациях широкую географию казачьих сказок, собравший, обработавший их, считает сказкой. И хотя в дальнейшем Б.А. Алмазов зачислил произведение в разряд «православных сказок», мы должны констатировать, что «Святой Николай и Касьян Немилостивый» в жанровом отношении – скорее *казачья (народная) христианская легенда апокрифического содержания*.

Само произведение явно не сказочного содержания, а религиозного по существу, так как все его содержание охватывается христианскими ценностями и идеями сострадания, милосердия, альтруистической помощи ближнему и т.п. Мы не найдем в этом произведении сказочного хронотопа, то есть особой пространственно-временной сказочной организации сюжета и образной картины (сказочное двоемирие, когда герои отправляются в иной мир, «за тридевять земель»), сказочных чудес и помощников. Да, святой Николай спускается с облаков, но он, помогая казакам вытащить телеги и пушки из болотной грязи, действует по-земному, как и сами казаки; говоря языком текста, важна его «пара рук»: «Казаки из сил выбились, каждая пара рук на счету», «Схватился Святой Николай за доску, что была к лафету привязана, хорошая доска дубовая. Хотел под колесо положить». Религиозная картина мира исключает двоемирие, для православного человека мир видимый и невидимый не разделены, это цельный и единый мир (континуум) под эгидой высших сил.

Чудесное в легенде и сказке подается с точки зрения жанровой картины мира. В христиански-легендарном народном сюжете чудесное воспринимается как возможное в действительности – для верующего человека. Сказка же, тем более – волшебная (именно в ней чудесное становится сюжетообразующим элементом), никогда не скрывала, что в ней воспроизводится вымышленный (условный) мир – мир воображения и мечты, противопоставленной действительности. В фольклорной легенде чудесное воспринимается как достоверность, и это определяет структуру, систему образов, поэтику произведения. В группу

христианских рассказов входят легенды о Боге, Христе, Богородице, святых, ангелах, являющихся в мир в образе странников, нищих (к данной группе примыкают легендарные сказки с христианскими темами в контексте ветхозаветных или евангельских историй). В мире религиозно-дидактических легенд человеческие отношения и судьба отдельного человека испытываются высшими силами, результат испытания мотивирует христианское наказание или вознаграждение. Отметим, что и в тексте рассматриваемой легенды мы находим связанную с христианской оценкой поступков ключевую формулу: «*По вере вам Господь и воздаст*». В легенде «Святой Николай и Касьян Немилостивый» эта схема перевернута: за немилосердие наказывается святой Касьян: он не оказал помощи труженикам-казакам в их богоугодном деле.

Конфликт носит не сказочный, а морально-христианский характер, так как развитие сюжета построено на оппозиции *милосердие – немилосердие* (нравственное – безнравственное).

Казачий фольклор самобытен и вместе с тем содержит в себе общечеловеческие ценности. Подчеркнем, что к базовым ценностям, которые формируют личность, относятся патриотические и духовно-нравственные ценности. Эти ценности общечеловеческие. Патриотизм, духовность, нравственность формируются в душе человека с детской поры. Но это формирование происходит только тогда, когда в обществе, социальной группе, семье, государстве существует нечто *священное*. Именно об этом и идет речь в легенде о святых и казаках. Казачья душа, как и вообще русская, иррациональна. Ей присущи и свободолюбие, и, как сказали бы в пору Древней Руси, «чинность», то есть почитание традиции: источники патриотизма, духовно-нравственных ценностей лежат в глубинных (генных) пластах народной памяти, в традициях и обычаях, в вере и фольклоре.

Ценности патриотизма, нравственности, духовности вплетены в содержательную канву легендарного сюжета «Святой Николай и Касьян Немилостивый». Жанровая картина мира оказывается самобытной – казачьей. Хронотоп (напомним: пространственно-временной образ мира) легенды – это *хронотоп казачьего служилого бытия*, он разворачивается в произведении как с точки зрения сакрального бытия (в нем доминируют высшие, священные ценности), так и с точки зрения земного бытия, ибо мы в легенде «Святой Николай и Касьян Немилосердный» найдем ответ и на вопрос, как же сами казаки воспринимают свою роль в истории государства.

Легенда «Святой Николай и Касьян Немилостивый» соответствует отмеченным нами базовым ценностям, она отражает этапы продвижения казаков в Сибирь и на Восток: «Приказал Христос Святому Николаю и Святому Касьяну прийти к Нему в Царствие Небесное. Вот надели они самые лучшие ризы и пошли по облакам на восток, встречу солнцу. Долго ли, коротко шли: перевалили Волгу, горы Уральские, Сибирь-матушку. Вдруг Святой Николай остановился и вниз смотрит, глянул и Касьян. А там внизу далеко-далеко обоз завяз. Лошади из сил выбиваются, на возах детишки, старики, бабы, скотина к возам привязана, мычит и блеет» [5, с. 155]. На Восток идут не только святые Николай и Касьян, но и обоз с людьми – казаками с их семьями. По православному учению на востоке, там, где всходит солнце, находится Иисус Христос. И туда же устремился и российский народ, присоединяя и включая в свои владения новые дальневосточные земли. Следовательно, огромное сибирское пространство сакрализуется (освящается присутствием православного Бога), а также наполняется человеческими действиями и деяниями святых, в том числе оно наполняется повседневным и тяжким трудом казаков: сибирская территория перестает быть просто «территорией», а переводится в сюжете легенды в сферу духовной культуры. Мы не услышим в легенде ни грома пушек, ни ружейной пальбы, потому что вопрос стоит так: а какие духовно-нравственные ценности принесут с собой казаки на новые земли? Или это будут только пушки, которые они везут с собою? Сюжет строится таким образом, что *базовые ценности как бы «испытываются», проверяются в пути на Восток*. Что несет в своей душе казак – веру, трудолюбие, взаимопомощь или он лишь «человек с ружьем», который не только охраняет, но и может принести с собой насилие?

Сюжет построен на целом ряде оппозиций (противопоставлений), но не вымышленных, а соответствующих народным и православным традициям, народному календарю.

Выбор святого Николая «действующим лицом» фабулы казачьей легенды не случаен. В православном календаре празднование святителю Николаю Архиепископу Мир Ликийскому, Чудотворцу осуществляли несколько раз в году (22 мая, 19 декабря). На некоторых территориях были местные святые Николаи, поэтому могли отмечать праздник святого Николая и четыре раза в году; на чем, собственно, также проводится в легенде противопоставление святых Николая и Касьяна. В сознании казаков, русского народа святой Николай являлся Божьим Угодником, так как у него было несколько праздников в году.

Небесным покровителем сибирских казаков является святой Николай. Войсковой праздник Сибирских казаков справляется 19 декабря, а в народе этот день зовется *Днем Святого Николая-зимнего*. Поэтому сюжет легенды о казаках-сибирцах и увязан с именем и милосердием святого Николая, и важно подчеркнуть, что черты, присущие святому, присущи и самим казакам.

Святой Николай, увидев утонувший в болоте казачий обоз, предлагает Касьяну спуститься и помочь людям (Касьян неохотно соглашается). «— *Что вы за люди? — Святой Николай спрашивает. — Откуда идете и далеко ли путь держите? — Мы казаки русские! — атаман отвечает. — Следуем по царскому указу на берег Тихого океана станицы ставить, границы державы охранять*» [5, с. 155]. Мы узнаем, что казаки идут из разных мест — с Днепра, Дона, Терека, Волги и Яика. Очевидно, что создается собирательный образ казачества, которое станет Сибирским казачеством. «На реках Дон, Волга, Урал, Терек первые казачьи общины появились в конце XV — начале XVI вв. В составе Российской империи было двенадцать казачьих областей, восемь из которых были созданы и заселены казаками в целях охраны границ и поддержания порядка на вновь присоединенных территориях, в том числе и в Западной Сибири. Только четыре области исторически сложились без вмешательства власти: донских, гребенских (терских), яицких (переименованных после пугачевского бунта в уральских) и днепровских казаков» [7, с. 138-139].

Святой Николай готов помогать казакам (и просит также о помощи и Касьяна): «— *Чем же помочь вам? Да помоги отец! Помоги Христа ради!*» [5, с. 156]. Ответ Касьяна «немилостив»: «— *Да мы же ризы праздничные выпачкаем! — Да Бог с ними, с ризами, давай христианам поможем. — Нет! — говорит Касьян. — Кто их сюда послал, пусть тот и помогает!*» [5, с. 156]. Николай Угодник почитается не только казаками. Его почитали коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока. В мифологии ненцев Ямала святой Николай значится под именем *Микола* и является главным помощником Нума — верховного божества. Святитель Николай прославился тем, что безмерно любил людей и помогал им. Нравственная составляющая легенды — оказывать помощь ближнему своему, не чваниться своими одеждами и происхождением; обратим внимание, что казаки святого Николая называют «отцом»: «— *Да помоги, отец! Христа ради!*» [5, с. 156].

Напротив, святой Касьян отказывается помочь казакам, ссылаясь на праздничные одежды. Ответ Касьяна (ссылка на одежду) символизирует его социальный статус, а не духовный, поэтому атаман восклицает: «*Эх, барин!*» [5, с. 156]. Казаки,

следовательно, воспринимают Касьяна не как равного себе, а как барина, не способного и не желающего оказывать помощь попавшим в беду. Именно с этого эпизода и разворачивается оппозиция *милосердный – немилосердный*. Укажем, что у Николая Чудотворца было еще одно прозвание в православно-народной традиции – *Милосердный, Милостивый*: считалось, что он обладал «высшим даром любви милующей и сострадательным сердцем». Подтверждение традиции именованья мы можем обнаружить и в тюменском фольклоре. Например, в записи на территории Тобольской губернии Петром Алексеевичем Городцовым легенды «Христос-молотяга»; она записана в 1907 году в деревне Артамонова Тюменского округа (ныне территория Ярковского района) от Дмитрия Никифоровича Плеханова. Легенда о наказании жадного богача за греховность (не подает нищим) начинается так: «Однажды истинный Христос и Никола Милостивый приняли образ странников и пошли путем-дорогою ...» [6, т. 2, с. 347].

В смысловом отношении значимым является и следующий эпизод: *«Схватился Святой Николай за доску, что была к лафету привязана, хорошая доска дубовая. Хотел под колесо положить. Казаки как закричат: «Отец, не трожь доску, она святая»* [5, с. 156]. Казаки везут не только домашний скарб, пушки, но и разобрannую церковь, чтобы поставить ее на новом месте в крепости: *«Эта церковь дедами нашими намолена! Она нам мать и заступница»* [5, с. 157], и этот поступок казаков высоко оценивается святым: *«Мало я на Святой Руси видел такой веры. По вере вам Господь и воздаст»* [5, с. 156]. Действительно, на Камчатке появилась деревянная церковь, которую казаки привезли с Дона в XVII веке. В данном сюжете мы видим огромную веру казаков, духовную связь со своими предками, которые молились в родной церкви. Сама церковь – материальное воплощение святости, уважения к своему прошлому, к своим традициям и обычаям.

В заключительной части повествуется, как казаки, с Божьей помощью, двинулись к месту своего назначения. Святые Николай и Касьян же предстали пред Христом. Состоялся потрясающий, с точки зрения исторического и морального смысла, разговор между Христом и святыми:

«– Где же ты, Николай, так извозился?»

– Так и так, – Святитель отвечает. – Казакам-переселенцам помогал!

– А ты что же, Касьян? – Христос Касьяна спрашивает.

– Стану я одежды свои праздничные в грязи марать! Мы ведь к Тебе шли, Господи!

– Шли-то вы точно ко мне! – говорит Христос. – Да пути

выбрали разные, хотя дорога у вас была одна. Как ты мог, Касьян, казакам-воинам не помочь – они ведь тебя о помощи моим именем просили. Глянул Господь с небес, а казачий обоз уже к океану вышел, на пустынном берегу топоры стучат – дедовскую церковь поднимают. Благословил их Господь и сказал:

– *Да будет вам, чада мои верные, место новой Родиной. А тебе, Николай, будет в году четыре праздника: весенний, зимний, осенний и летний! И звать тебя будут Божьим Угодником. А тебе, Касьян, один праздник в четыре года 29 февраля, и прозвание тебе будет Немилостивый. Так по слову Божию и сталося. А казаки океан-море переплыли на лодьях, и на том берегу на Аляске поставили крепость и церкву свою отеческую и назвали ее крепостью Святого Николая» [5, с. 157-158].*

Значение разговора между Христом и святыми определяется мыслью о нравственном выборе жизненных дорог: *«Шли-то вы точно ко мне! – говорит Христос. – Да пути выбрали разные, хотя дорога у вас была одна»* [5, с. 157]. В смысловом контексте данного разговора оценивается и путь казаков в Сибирь. Они предстают перед нами не бездушными наемниками, а тружениками-воинами, которые исполняют свой долг естественно – по долгу и вере: для них важен смысл совершаемых ими действий, поэтому они перевозят и сакральный центр своей родины (церковь) на новое место.

Казак вверял свой «живот» (жизнь) царю, атаману и Богу. От казака же «власть требовала постоянной воинской готовности и боевой выучки, беззаветной смелости, верности присяге» [7, с. 139]. Исполнение воинских обязанностей (а это и война, участие в сражениях, значит, кровопролитие) не освобождало его от другого долга – от заботы о чистоте своей души, о том, что нравственно, а что безнравственно. Ему следовало быть «крепким в вере», различать добро и зло в окружающем мире. Именно такими казаки (хранимые Богом) предстают в историко-поэтическом повествовании у С.У. Ремезова, в легенде «Святой Николай и Касьян Немилостивый» – они православные труженики-воины на службе Отечеству. Речь в данном случае идет о православных, но будем помнить, что на «государевой службе» находились казаки, представляющие разные народы, народности и веры, и это не противоречило исполнению воинского долга в многонациональной Российской империи. К примеру, Сибирский татарский казачий полк «был укомплектован из тобольской, тюменской и томской городских татарских казачьих команд, в 1849 г. он был преобразован в Тобольский конный казачий полк, в котором служило 1380 мусульман-казаков и 1704 ясачных татарина» [7, с. 140].

Казацкая служба – тяжкий труд с переездами, исполнение воинских повинностей, усердие во имя общего дела. Все это выражено в легенде посредством точной метафоры – застрявший на пути к цели в земной грязи казачий обоз, стремление казаков вовремя прибыть на новое место службы.

Разговор на небесах Христа со святыми, оценка их поступков с точки зрения высшей силы – это проекция христианских ценностей (добродетелей) за земное бытие казаков. Естественному милосердию (радению о других) святого Николая противопоставляется эгоизм Касьяна. Формируется еще одна смысловая оппозиция, она основана на предельном христианском внимании (верующего человека) к внутреннему миру, к духовному содержанию личности. С одной стороны, можно вымазаться (как казаки и святой Николай) в земной грязи, но быть чистыми душой. С другой стороны, можно, как Касьян, заботиться о внешней чистоте (своих одежд), но утратить при этом чистоту духовную, следовательно, и нравственную.

«Святой Николай и Касьян Немилостивый» – народная легенда апокрифического типа. В устной, в книжной традиции еще на заре христианства получили широкое хождение апокрифические сочинения и фольклорные произведения (греч. *apokryphos* – «тайный»). Содержание апокрифических произведений и сочинений существенно отступало от принятого в официальном вероучении христианского (церковного) канона, поэтому такие произведения отвергались церковью (понятно, что книжные апокрифы распространялись тайно).

Святой не может быть немилосердным по официальному вероучению, церковь не могла канонизировать греховного человека в ранге святого. Образ Касьяна в рассматриваемой легенде не имеет никакого отношения к святому Кассиану, день памяти которого приходится на 29 февраля. В истории христианской церкви Кассиан – основатель монашества в Галлии и один из главных теоретиков монашеской жизни (родился около 360 г.). В народных же представлениях, вопреки реальной биографии, житиям о святом Кассиане (Касьяне в русской транскрипции), создан был отрицательный образ святого. Да, святой, но «немилостивый», он рисовался в народной устной традиции, фигурировал в обрядах с отрицательными чертами: Касьян немилостивый, немилосердный, скупой, остудный, корыстник, завистливый, кривой и т.п. Суть в том, что день 29 февраля занимает особое место в календаре, в частности в народном крестьянском календаре. Этот день бывает один раз в четыре года. Надо помнить, что и в русском средневековье (до XV века) Новый год открывался мартом, то есть он открывался через каждые три года после Касьянова дня.

И это был год високосный! Високосный год всегда считался в крестьянских суевериях годом опасным. В народной традиции существовало поверье, что 29 февраля вообще не стоит, хотя бы до обеда, выходить из дома, не стоит начинать каких-либо дел. День памяти святого Касьяна отмечается один раз в четыре года. По народному же объяснению выходило, что Бог лишил Касьяна ежегодных именин за недоброжелательность (немилосердие) к бедным людям. Поэтому день его памяти (да еще на стыке зимы и весны) числился одним из самых плохих и опасных («зловредных») дней народного календаря (что, в свою очередь, распространялось на весь год). Отсюда и проистекает щедрость нелестных характеристик в адрес Касьяна – не реального святого, а созданного мифологического образа.

Теперь мы должны ответить на вопрос, является ли «Святой Николай и Касьян Немилостивый» фольклорной легендой, вариантом народного сюжета? Уточним, что традиционный (классический) фольклор по существу крестьянский. Именно «крестьянский космос» поставлял устной (фольклорной) традиции сюжетные схемы (их называют «фольклорными мотивами»), которые существовали в вариантах. Фольклорный сюжет подтверждается наличием вариантов (однократное исполнение традиционного сюжета с небольшими отклонениями, порождаемыми устной культурой рассказчика, этногеографическими традициями и т.д.). Наличие вариантов означает, что традиционный сюжет (основной мотив, который объединяет смысл и форму подачи материала, его называют также «инвариантом») принят (создан) народом, так как он получил широкое распространение в устной передаче от поколения к поколению.

Прежде всего отметим, что казаки в историческом прошлом – воины и крестьяне. В казачество они верстались из крестьянской среды, за службу получали земельные наделы. Они оседали на определенных территориях, заново «окрестьянивались» и по царским указам (смотри об этом выше), и по выслуге лет, вращались семьями, сложившимся бытом на новой земле, которая становилась их родиной. Казак, следовательно, такой же активный носитель общерусского и этнического фольклора, как и любой другой россиянин.

По Руси издавна ходил легендарный сюжет (а не сказочный сюжет!) о святом Касьяне и Николае Угоднике. Мы уже знакомы с его сутью (смыслом) по тексту из сборника Б.А. Алмазова. Народный сюжет – о том, что святые, направляясь в рай, шли по дороге и увидели мужика, тащившего воз из грязи и обратившегося к святым за помощью. Касьян ответил отказом, думая о своей

ризе, а Николай Угодник, засучив рукава, без лишних слов вытаскивает воз из грязи. Понятно, что один явился в рай в чистой, а другой в грязной ризе. Бог, по прибытии святых в рай уточнивший, почему у них такие ризы, лишил Касьяна ежегодных именин за неотзывчивость к бедным людям (достаточно и одного раза в четыре года).

Для нас авторитетными будут мнение известного российского фольклориста, этнографа XIX века Сергея Васильевича Максимова (кстати, обследовавшего не только ряд центральных российских губерний, но и Русский Север, Приамурье и Дальний Восток), сведения из его книги «Нечистая, неведомая и крестная сила». В его книге о народных верованиях есть раздел о Касьяне Немилостивом. Обратив внимание на народную легенду об отступничестве Касьяна от Бога, С.В. Максимов указывает, что «не это отступничество от Бога послужило источником охлаждения православных темных людей к Касьяну, а, главным образом, его «немилостивое» отношение к бедному народу», в подтверждение приводит легенду, записанную в Зарайском уезде Рязанской губернии: *«Однажды Касьян, вместе с Николаем Чудотворцем, шел по дороге, и встретился им мужичок, который увязил воз в грязи. – Помогите, – просит мужичок, – воз поднять». А Касьян ему: «Не могу, – говорит, – еще испачкаю об твой воз свою райскую ризу, как же мне тогда в рай прийти и на глаза Господу Богу показаться?» Николай же Чудотворец ни словечушка мужику не ответил, а только уперся плечом, натужился, налег и помог воз вытащить. Вот пришли потом Николай-угодник с Касьяном в рай, а у Николая-то вся как есть риза в грязи выпачкана. Бог увидел это и спрашивает: – «Где это ты, Микола, выпачкался?» – «Я, говорит Николай, – мужику воз помогал из грязи вытаскивать». – «А у тебя отчего риза чистая, ведь ты вместе шел?» – спрашивает Господь Касьяна. – «Я, Господи, боялся ризу запачкать». Не понравился этот ответ Богу, увидел Он, что Касьян лукавит и определил: быть Касьяну именинником раз в четыре года, а Николаю-угоднику, за его доброту, два раза в год» [4, с. 287-288].*

Какие изменения, новые элементы привнесены в легенду «Святой Николай и Касьян Немилостивый» с традиционным крестьянским сюжетом. (Можно ученикам прочесть два текста на предмет выявления их сходства и различия – такова суть подхода к фольклору, он опирается на сопоставление вариантов). Вместо мужика-труженика с увязшим возом – казаки с обозом на необозримом пространстве Сибири; «прибавочные» элементы – казаки с семьями, пушки, разобранная церковь, их векторное движение – вплоть до Аляски; на Аляске была поставлена

российская крепость Святого Николая. Другая сторона вопроса: а что привнесено составителем сборника казачьих сказок, почему он текст «Святой Николай и Касьян Немилостивый» относит к сказочному жанру? Мы же подчеркнем, что фольклор не детализирует, он сразу – минуя индивидуализацию, конкретику – порождает образы с широким обобщением. Мы видим громадное пространство России, собирательный образ будущего сибирского казачества: казаки идут из разных мест их концентрации на территории европейской России. В сжатом фольклорном образе охвачено громадное пространство расселения российского казачества – «часовых империи» (по выражению Андрея Смирнова). В XVIII веке, после открытий казаков-первопроходцев Владимира Атласова, Семена Дежнева (службу начинал рядовым казаком в Тобольске), капитана-командора Витуса Беринга, казаки переплыли пролив, соединяющий Азию и Америку. Началась история Русской Америки, и она не сводима лишь к пушкам, саблям, пушнине. Русские принесли с собой и веру. В 1794 году на Аляске появляется Российская духовная миссия. В православную веру за два года были обращены 12 тысяч алеутов. Россия ушла из Северной Америки, но до сих пор на Аляске существует около 80 алеутских и индейских православных общин.

В казачьей легенде традиционный крестьянский сюжет не изменился по существу, но приобрел именно казачью интерпретацию. Сюжет «вписан» в историю сибирского казачества. Традиционная сюжетная схема (путь святых на суд к Богу через испытание их добродетелей по дороге к Немю) наслаивается на исторический путь казачества в Сибирь, вследствие чего трудный, труженический и скромный подвиг казаков наполняется высшим (сакральным) смыслом: они идут на Восток вместе со святым Николаем (не Касьяном!) по направлению к Богу, выполняя свои задачи.

Для авторов данной статьи не возникает вопроса, стоит ли привлекать предложенный материал на школьных занятиях по курсу «Литература», тем более в школах Тюменской области. Первая страничка истории присоединения Сибири к России – появление за Камнем ермаковских казаков ... Произведения, к которым мы обращаемся, позволяют посмотреть на казаков глазами ... самих казаков, то есть через призму их фольклора. Чем больше точек зрения на явление, тем полнее его картина ...

Библиографический список:

1. Белич, И.В. Ремезов Семен Ульянович [Текст] // Тобольский биографический словарь / отв. ред. В.Ю. Софронов. – Екатеринбург: Изд-во Уральский рабочий, 2004. – С. 409-416.

2. Живое слово. Фольклор юга Тюменской области [Текст]: хрестоматия для школ / под ред. В.Н. Евсеева. – Тюмень: Печатник, 2008. – 232 с.

3. Максимов, С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила [Текст] / послесл. Н.В. Ушакова. – СПб.: Полисет, 1994. – 446 с.

4. Ремизовская летопись: История Сибирская. Летопись сибирская краткая Кунгурская. [Текст] – Тобольск: Возрождение Тобольска, 2006. – 272 с.

5. Алмазов, Б. Святой Николай и Касьян Немилостивый [Текст] // Казачьи сказки. – СПб.: Пенаты, 1996. – С. 155-158.

6. Городцов, П.А. Христос-молотыга [Текст] // Были и небылицы Тавдинского края: в 3 т. / под ред. В.Я. Темплинга; сост. Ю.Л. Мандрика. – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрика, 2000. – С. 347-351.

7. Ярков, А.П. Казаки [Текст] // Тюменская область: народы, языки, культура: Энциклопедический справочник / гл. ред. И.С. Карабулатова. – Тюмень: Экспресс, 2007. – С. 138-141.

*Приложение: «Святой Николай и Касьян Немилостивый»
(текст)*

Приказал Христос Святому Николаю и Святому Касьяну прийти к Нему в Царствие Небесное. Вот надели они самые лучшие ризы и пошли по облакам на восток, встречу солнцу.

Долго ли, коротко шли: перевалили Волгу, горы Уральские, Сибирь-матушку. Вдруг Святой Николай остановился и вниз смотрит, глянул и Касьян. А там внизу далеко-далеко обоз завяз. Лошади из сил выбиваются, на возах детишки, старики, бабы, скотина к возам привязана, мычит да блеет.

– Пойдем-ка поглядим поближе! – говорит Святой Николай.

– Чего мы не видали! – говорит Святой Касьян. Однако спустился на землю.

А там – ад кромешный. Телеги по ступицу в грязи жидкой увязли, да возы-то еще бы ничего – впереди и позади обоза пушки на лафетах быки тащат. А на лафеты бревна какие-то, и рамы оконные, доски дубовые нагружены.

– Что вы за люди? – Святой Николай спрашивает. – Откуда идете и далеко ли путь держите?

– Мы казаки русские! — атаман отвечает. – Следуем по царскому указу на берег Тихого океана станицы ставить, границы державы охранять.

– А откуда вы?

– С Днепра! А есть которые с Дона, с Терека, с Волги, с Яика, ... новому войску казачьему приписанные.

– Давно идете?

– Третий год. На зиму землянки копаем, острожки ставим, а летом да зимой, когда путь станет, дальше идем... А сейчас видишь, как завязли. А нам поспешать надо, как грянут морозы, а мы до Якутского острога не дошли – померзнем.

– Чем же помочь вам?

– Да помоги, отец! Помоги Христа ради! Мы будем колеса из болота вытягивать, а ты ветки под них подкладывай, чтоб они назад не огрузли, да пушки не потонули.

Святой Николай помогать кинулся, кричит Касьяну:

– Брат Касьян, пособи! Казаки из сил выбились, каждая пара рук на счету.

– Да мы же ризы праздничные выпачкаем!

– Да Бог с ними, с ризами, давай христианам поможем.

– Нет! – говорит Касьян. Кто их сюда послал, пусть тот и помогает!

Атаман казаков только вздохнул: «Эх, барин!»

Да не мешкая за ступицу да за оглобли взялись:

– А ну, станичники, навались! – потянули из последних сил, того гляди у казаков от натуги глаза на лоб выскочат, – вытащили пушку! Держут! Схватился Святой Николай за доску, что была к лафету привязана, хорошая доска дубовая. Хотел под колесо положить. Казаки как закричат:

– Отец, не трожь доску, она святая!

Покидали под колесо валежник, сучья, выкатили пушку на сухое место. Святому Николаю объясняют:

– Это не просто так доски да бревна – это церковь наша станичная разобранный, она у нас в Запорожской Сечи веками стояла.

– Так вы что же, разобрали ее и на новое место перевозите?

– Точно так! – казаки отвечают. – Как, значит, на новое место службы и жительства придем, так соберем ее заново. Вот и будет нам новое место – Родина. Мы и гвозди все из стен повытаскивали да с собой несем на новое место, перекуем их заново да и наколотим. Эта церковь дедами нашими намолена! Она нам мать и заступница.

– Истинно, истинно! – сказал Святой Николай. – Мало я на Святой Руси видел такой веры. По вере вам Господь и воздаст.

И вроде легче колеса пошли, дорога окрепла, и кони подбодрились – вытащили казаки обоз из болота, хлебушком закусили да и дальше пошли. А Святой Николай и Святой Касьян пошли по своей надобности, по вызову.

Вот пришли они ко Христу, Господь их и спрашивает:

– Где же ты, Николай, так извозился?

– Так и так, – Святитель отвечает. – Казакам-переселенцам помогал!

— А ты что же, Касьян? — Христос Касьяна спрашивает.

— Стану я одежды свои праздничные в грязи марать! Мы ведь к тебе шли, Господи!

— Шли-то вы точно ко мне! — говорит Христос. — Да пути выбрали разные, хоть дорога у вас была одна. Как ты мог, Касьян, казакам-воинам не помочь — они ведь тебя о помощи моим именем просили.

Глянул Господь с небес, а казачий обоз уже к океану вышел, на пустынном берегу топоры стучат — дедовскую церковь поднимают.

Благословил их Господь и сказал:

— Да будет вам, чада мои верные, место сие новой Родиной. А тебе, Николай, будет в году четыре праздника: весенний, зимний, осенний и летний! И звать тебя будут Божьим Угодником. А тебе, Касьян, один праздник в четыре года 29 февраля, и прозвание тебе будет Немилостивый.

Так по слову Божию и сталося.

А казаки океан-море переплыли на лодьях и на том берегу на Аляске поставили крепость и церкву свою отеческую и назвали ее крепостью Святого Николая.

(Публ.: Алмазов, Б. *Казачьи сказки*. — СПб.: Издательский дом Пенаты, 1996. — С. 155-158).